

УДК 316.4.066

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ГРАНИЦЫ В СОЦИАЛЬНОМ БЫТИИ

А.Ю. Огородников*, В.В. Чурин**

*ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

**ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный техни-
ческий университет (МАДИ)», г. Москва

Статья раскрывает механизм становления рациональности у субъекта социальных отношений. Авторами дифференцируется автономная индивидуальная рациональность и объективная всеобщая рациональность, организующая социальное бытие. Устанавливается невозможность прямого перехода с индивидуального уровня рациональности на социальный, что вызывает множество социальных противоречий, конфликтов. Ограничения рациональности индивида преодолеваются в процессе развития личности. В статье выделено шесть этапов снятия противоречий рода и индивида в социальных практиках, пройдя которые личность во все свои ценности, интенции, результаты деятельности целенаправленно вовлекает общезначимые процессы, воспроизводя существенные свойства общества. Результатом прохождения шести этапов является взаимопроникновение социальных и личностных как целей, так и инструментов их достижения.

Ключевые слова: рациональность, границы рациональности, субъект, социальное бытие, социальный порядок.

Проблема рациональности в очередной раз наиболее остро встала перед философами в конце XX в., когда потерпели неудачу все попытки сохранить рациональную, целостную и непротиворечивую картину мира, сильно пошатнувшуюся после идей Канта о трансцендентном. Диалектика Гегеля, конфликтология Маркса, экзистенциализм, позитивизм, постмодернизм по-своему объясняют социальную реальность, но во всех этих теориях человек занимает достойное место и способен ставить цели, преобразовывать идеи в действительность, добиваться результата. При этом философская критика и социальная практика XX в. показали, что рационально сконструированная действительность, которую человек преобразует в реальность, ускользает от воплощения, остается виртуальной моделью, не только не притягивающей, но зачастую отталкивающей от себя реальный ход социальных процессов. Человеку остается всего лишь адаптироваться к окружающему миру, очень осторожно влияя на него.

Такое положение является вызовом для философии. Естество человека требует не подчинения, а управления миром во всей его целостности. Ответ на этот вызов лежит в новой рефлексии границ рациональности человека, границ его возможности воплощать идеальные цели в реальность, в определении погрешности точного и прогнозируемого воздействия на мир. В этой статье мы рассмотрим один аспект этой проблемы – рациональность в конструировании социальной реальности.

Социология как наука стала возможна благодаря вере в рациональность личности и общества. Европейские революции и успехи промышленности привели к идее, что развитие общества можно уподобить развитию производства, сотворив разумный мир. Безусловно, пути рационализации социального различные мыслители видели по-разному: от утопических идей социального равенства до социального дарвинизма. Идеал рациональности – физика Ньютона, открывшая природу заново. Методы познания – наблюдение, эксперимент и вычисление. Главное достижение в том, что данные, получаемые при исследовании, позволяют прекратить метафизические споры о предметной области естественных наук. Если прежде исследователи своей целью ставили поиск «конечных причин вещей», то Ньютон сосредоточился на количественном изучении наблюдаемых явлений и выведении из них общих законов. Таким образом, развитие рациональности в социальной среде представлялось возможным через просвещение, которое избавит общество от предрассудков. Критериями развития общества станут гражданские права, социальный порядок, экономический рост, технический прогресс, уменьшение социального неравенства. Однако законы социальные отличаются от законов природы, последние объективны и действуют на человека помимо его воли или желания.

Важной вехой развития представлений о рационализации стала концепция социального действия Макса Вебера [1]. Он впервые предложил исследовать виды действия людей и мотивы, которыми они руководствуются. Всего видов насчитывается четыре: аффективное, традиционное, ценностно-рациональное, целерациональное. Выделение этих социологических категорий позволило ему и его последователям на практике оценить степень рациональности человека, выраженную в его действиях. «С помощью комплексного, пусть и далеко не проясненного понятия рационализации Вебер анализирует тот религиозно-исторический процесс расколдовывания, который должен создать необходимые внутренние предпосылки для возникновения западного рационализма» [4, с.38].

Рационализацию Вебер трактует как целерациональность, чем ограничивает свое исследование. Основой рационального становится дифференциация: когда конкретная деятельность становится самостоятельной, то она способна выработать собственные критерии оценки разумного. Например, капиталистическая экономика во главу деятельности ставит ясную цель, где успеха добивается тот, кто смог получить больше выгоды. Параллельные ценностные установки Вебер находит в протестантизме, что позволяет ему сделать заключение о близости двух явлений. Но он не считает западный рационализм единственным. Процесс институционализации целерациональности обнаруживаются и в других культурах. Однако процесс дифференциации социальных институтов привел к обособлению разных сфер социального.

Но одинаков ли процесс рационализации общества и личности? М. Вебер проводит подобное различие, но оговаривается, что такая рационализация может быть истолкована только с определенных позиций: для атеиста иррациональна будет вера, для гедониста – отказ от удовольствий.

Естественным ограничением рациональности личности является время. Мы не можем разобраться во всем сразу. Даже в наиболее насущных сферах работы и личной жизни мы подчас отказываемся от осмысления происходящего, но в силу опыта все же гораздо более рациональны. Установка Платона на

априорное знание могла бы снять это противоречие благодаря методу рассуждения, но и он требует времени.

Особого внимания заслуживают сферы, в которых мы не ориентируемся. Они зачастую требуют принятия быстрых решений. Подтверждением их правильности может служить некий авторитет. Например, можем ли мы оценить квалификацию (компетентность) лечащего врача? По диплому, отзыву посетителей или отношению к нам? Может быть, по результату лечения? Проще всего это сделать по отношению к пациентам. Мы без труда отличим чуткого специалиста от черствого. Но наши ощущения иррациональны, здесь властвуют эмоции и чувства. Да и внимательный врач еще не значит хороший.

В практике социальной жизни выход был найден через группировку социальных интересов или формирование набора ценностей. Так, социальное окружение учителя и государственного служащего отличается не потому, что они разные по характеру личности, а потому, что они принадлежат к разным ценностным мирам. Один будет руководствоваться собственными ценностями, ориентированными, например, на экономию. Другой же будет действовать в соответствии с представлением о статусности. Они, скорее всего, выберут разных специалистов для лечения одной болезни. В данном примере мы встречаем два отличных способа действия, но обнаруживается ли здесь особая личностная рациональность? На наш взгляд, нет. Принятие установок группы может быть более или менее осмысленно. Однако дальнейшая деятельность является результатом первого выбора, что практически исключает рациональность на уровне личности, но подтверждает ее на уровне социальном. Так, обществом предоставлено индивиду множество институциональных способов социального участия, позволяющих сделать рациональный выбор. Сам же этот выбор может быть сделан на основе иррациональных факторов, например привычек, потребностей, подверженности манипуляции и др.

Но личностная или субъектная рациональность все-таки возможна. Николас Луман выделил два необходимых фактора ее актуализации: время для обдумывания и возможность идти против социального окружения. Личность не исчерпывается слепым следованием социальным нормам. Именно незавершенность личности создает предпосылки для развития человека и общества. Как невозможно оценить рациональность только с точки зрения экономики, так и личность не ограничивается социальным, она всегда шире. Человек, его природа не уместаются в узкие рамки социальной системы. Поэтому мы убеждены, что подлинно человеческое рациональное существование и субъектное целеполагание невозможно без осмысления бытия как целого.

Цель в чистом виде не содержит в себе смысла социального участия. Об этом свидетельствует многочисленная критика бихевиоризма Дж. Мидом, Г. Блумером, Т. Парсонсом, а также современными мыслителями Э. Гидденсом, П. Бурдье, Н. Луманом и др. Необходима мотивация на интериоризацию и достижение целей, которую, как мы считаем, создают ценности. Однако не любые ценности и их системы образуют конструктивную установку на социальное участие. Необходимы ценности, обуславливающие основания социального порядка и воздействующие на образование личностных ценностных систем. Таковыми являются социальные ценности, т. е. наиболее существенные потребности в свойствах и явлениях, отношениях, определяющих специфику и характер существования конкретного общества. Это те ценности, которые помогают человеку лучше познать

содержание своей сущности и пути ее проявления вовне. Они обеспечивают легитимность в восприятии личности социальных отношений и институтов. В этом смысле ценности обеспечивают связь социального и личностного бытия. Но эта связь может быть установлена только тогда, когда человек вследствие самоанализа, т. е. социализации, обнаружил в себе определенные свойства социальности, «закрепленные» в ценностях. Эти ценности становятся ему близкими, он их способен интериоризировать и с их помощью «породниться» с обществом.

Таким образом, философский анализ рациональности в ее чистом виде как объективной необходимости для системы определенных целей и инструментов их достижения упирается в одно из основных противоречий философии, заключающееся в противопоставлении рода и индивида. В нашем случае такое противоречие предстает в форме несоответствия объективной рациональности общества и эгоистической рациональности индивида. Так, с позиции индивидуальной, автономной рациональности рассматривали социальную реальность в рамках экзистенциальной философии и феноменологии Э. Гуссерль, А. Шютц, их последователи. С позиции объективных требований наиболее полные модели социума созданы в школах позитивизма и марксизма. Но стремление взять за основу одну грань рациональности не решало противоречия, на что указывают не только споры философского дискурса, но и разнородные социальные кризисы, в которых не было недостатка за последнее столетие.

Исследование рациональности в социальных процессах вбирает в себя и анализ условий легитимности, и признания значимости целей субъектами социальных отношений. Удачные способы интегрировать личную и социальную рациональность в единый поток реконструкции общества одними из первых предложили М. Вебер, П. Сорокин, Э. Фромм, позже П. Бергер, Н. Луман, П. Бурдьё и др. М. Вебер делает акцент на формирование согласия, которое формируется из взаимного убеждения в тождественности ожиданий относительно шансов на единение социальных действий. Основой для согласия могут стать единство представлений о значимости или смысле действий, об условиях взаимодействия и о целесообразности действий. Основным в концепции П.А. Сорокина является предпосылка выстраивания типа общества на основе увеличенных и расширенных культурой свойств индивидов. Доминирующий в культуре тип ценностей обеспечивает соответствие между социальным и личностным в любой социокультурной суперсистеме. Социальный характер в теории Э. Фромма организует как психические процессы личности, так и запрос общества на определенные установки личности. Устойчивые социальные характеры, присваиваемые индивидами, снимают напряжение между воспроизводящей и конструирующей активностью. Н. Луман, рассматривая воспроизводство социальной системы, вводит понятие «смысл», через которое он раскрывает комплекс качеств, необходимый для образования системных элементов и определения своего места в системе индивидом. Чтобы восприятие смысла имело своим результатом действие или внутреннее изменение системы, по Луману, должно быть «понимание» – особая форма приращения смысла, в которой «переживание смысла или осмысленное действие проецируются на иные системы с собственным различием “система/окружающий мир”» [3, с. 114].

В системе действия, рассматриваемой Э. Гидденсом, результатами действий являются преднамеренные и непреднамеренные последствия. В повсе-

дневной деятельности акторы постоянно отслеживают только преднамеренные последствия своих действий и ожидания других, корректируя или сохраняя модели поведения, превращая их в привычку. Так возникает практическое сознание. Более глубоким уровнем осознания своих действий является «рационализация действий». На этом уровне индивид осознает мотивы своих действий в их целостности, способности (в первую очередь когнитивные) и возможности для реализации потребностей, установок, формируется желание действовать. Таким образом он вовлекается в «структуриацию» социальных практик. Рационализация действий проявляется в случае социальных изменений: изменений среды, условий, потенциальных возможностей, т. е. в ситуациях, «которые некоторым образом нарушают привычный (рутинный) ход событий» [2, с. 45], когда необходимо формировать новые сценарии своих действий. Если не удастся сохранить прежнюю рациональность действий, то возникает необходимость в еще более глубоком уровне осознания своих действий, который Э. Гидденс называет «дискурсивным сознанием», способным рефлексировать непреднамеренные последствия социальных действий и снижать неопределенность в проектировании социальных процессов. Оно предполагает более высокую форму компетентности в своих действиях, когда индивид может объяснить реальные и достаточные предпосылки, причины, мотивы своей деятельности, определить реакцию окружающих, представить свою деятельность в спектре всех возможностей.

П. Бурдьё представляет социальную реальность в форме многомерного пространства полей, состоящих из структурированных позиций, сконструированного в соответствии с принципами различения и распределения совокупности действующих свойств и предрасположенностей агентов. Предрасположенности формируются в процессе интериоризации способов мышления и действия, требуемых для участия в социальных полях. Агент – действующий индивид, у которого рассматривается и учитывается ограниченное количество свойств, необходимое ему для действий, согласуемых с условиями, правилами поля. Агенты могут действовать исключительно в системе координат существующих социальных отношений, воспроизводя или трансформируя их. Основная способность агента – интериоризировать практические схемы конструирования практик. Габитус и позиция агента – основные факторы, воздействующие на процесс рационализации действий. Наиболее глубокая степень рационализации заключается в способности прогнозировать социальную ситуацию, используя интуицию «практического чувства», являющегося продуктом длительного восприятия условий, сходных с теми, в которых находятся агенты, и предвосхищения имманентной необходимости, существующей в данный момент в мире.

Формат статьи не позволяет нам подробно раскрыть взгляды этих и других философов, но мы постараемся, обобщив их, выстроить единый последовательный процесс рационализации общества как становления социальности индивида и субъектности социума. Именно в соотношении этих двух граней социального бытия кроется главная проблема рационализации общества, образуются границы целевого социального участия. Легитимация общих целей осуществляется через кристаллизацию соответствующих целям идеалов и ценностей в процессах организации и регулирования общества. Высокая степень соответствия ценностей и всеобщих целей приводит к устойчивости социального порядка и эффективности управления им. Рост противоречий ведет

к энтропии социальных отношений, ограничивающей целевое воздействие на социум.

В социальном бытии рациональность ограничена необходимостью гармоничного соответствия индивидуального и всеобщего целеполагания через воспроизводство смыслов социального участия. Для достижения такой интеграции мы выделили шесть этапов расширения границ рациональности личности, которые сопряжены с целостным развитием человека как субъекта социальных отношений. Однако на этих этапах возникают особые противоречия, ведущие лишь к частичной рационализации социальных действий. Во-первых, целенаправленное преодоление ценностных противоречий ведет к структурированию индивидуальных целей на основе иерархии ценностей. Ценности становятся глубоко интериоризированными и устойчивыми, а системообразующим в такой иерархии становится ценностное ядро, состоящее из наиболее постоянных и важных ценностей, определяющих сущностные свойства человека и одновременно процесс социально-исторических трансформаций любого общества. Здесь рационализация ограничена биографической ситуацией, выход за рамки которой сталкивает систему ценностей личности с ценностными структурами общества.

Во-вторых, система ценностей требует актуализации. Долгосрочность актуализации и объективизации ценностей определяется единством частных целей и целей государственного развития. Потребность в самореализации побуждает индивида к соотнесению своих целей с целями групп и структур, в которые он входит. Но при этом разнообразие целей социальных образований создает необходимость их обобщения. Индивиду нужны гарантии постоянства целей, защита от разочарования или бессмысленного их достижения при смене социальной среды, трансформации институциональной сферы. Такие гарантии может предоставить государство, формулируя цели, принципы и приоритеты развития в единой долгосрочной стратегии. Таким образом, потребность в самореализации создает потребность осмысления четких, постоянных и реализуемых целей государственного развития, соотнесения их с частной жизнью. Актуализация этих целей в повседневности включает индивида в процессы социального бытия и придает субъектность и значимость его действиям. На этом этапе еще не сформировано целостное представление о социальной динамике. Индивидуальные цели личности освещают лишь часть социального пространства, в котором индивид находит значимых для себя агентов, условия и ресурсы. Индивид ограничен актуальностью целей общества для себя лично.

В-третьих, планирование и организация достижения структуры целей, выстроенной на втором этапе, создают острую потребность долгосрочного прогнозирования становления частной жизни, достижения индивидуальных целей на основе динамики социального окружения, институционального поля в целом. Представления о гарантиях реализации государственной стратегии требуют способности индивида соотнести предвидение возможностей развертывания своих жизненных планов с функционированием управленческих механизмов на всех уровнях от федерального до отдельных организаций. Возникает необходимость в согласовании вектора становления личной жизни и динамики социальных трансформаций. Для этого актуальным становится поиск постоянных критериев прогнозирования изменений социальной среды личности на фоне динамики всего общества. В результате у индивида прогноз жизненных успехов, достижения

частных целей становится неразрывно связан с осмыслением воспроизводства институционального порядка, возникает понимание важности определения принципов социальной динамики. Таким образом, прогноз личной жизни включается в прогнозирование перспектив развития всего общества. Без учета фундаментальных, бытийных тенденций социальных изменений невозможно выстроить внеситуативный прогноз, основанный на идеальной модели, а не на экстраполяции. Но на третьем этапе осмыслить такие тенденции личность не способна, поэтому прогноз и основанный на нем рациональный проект действий ограничены рамками ситуаций, типичных для данного этапа развития общества.

В-четвертых, успешный прогноз образует картину объективных параметров институциональных условий социальной активности индивида, ограничивающих некоторые частные жизненные цели индивида, другим же, напротив, повышающие шансы на успех. Связи с социальным окружением начинают осмысливаться как часть институционального порядка в целом. Нормативная среда социальных институтов в этом случае выступает не как внешний ограничитель, а как объективно необходимая организация условий для достижения как личных, так и всеобщих целей. У индивида как агента социальных отношений возникает потребность разграничить институциональную сферу, которая лежит в основе самоорганизации общества, и поле собственных возможностей субъектной реконструкции социальной реальности. В результате у индивида развивается способность определить масштаб субъективного воздействия на социальные процессы, возможность найти баланс воспроизводящей и конструктивной деятельности. Только на этом этапе становления агента социальных отношений рационализация частных целей индивида наполняется общезначимым содержанием. Тогда конструирование социальной реальности становится целенаправленным, рефлексивным и субъектным. Центральным условием рационализации действий становится институциональная среда как целое. Индивид способен гармонизировать институциональные связи в биографическом пространстве и реконструировать систему социальных институтов общества. Но выйти за границы наличного институционального, функционального поля для него еще невозможно.

В-пятых, установка на субъектно проектируемое социальное участие мобилизует волю индивида к достижению образа, должного как в сущих социальных условиях, так и в прогнозируемом будущем. Человек чувствует дискомфорт в бездействии. Потребность в самореализации приобретает комплексный характер (не только развития себя, но и бытия в целом), интегрируемая с потребностью в совершенстве мира, и включает в себя проявление не только раскрытия собственных сущностных свойств, но и волевою организацию среды, социального окружения, достижения всей полноты заложенных в явлениях свойств. В результате объективизированные ценности становятся главным источником рационального выбора, актуализируются в социальном пространстве как основной критерий проектирования социальных действий в условиях существующего институционального порядка. Объективизация рационального выбора сталкивает субъекта с самим собой как с личностью. Индивид осознает бедность своих возможностей перед вселенной задач и векторов социального развития. Рациональность теперь ограничена главным и до конца не преодолимым барьером – собственной индивидуальностью.

Последний этап становления рациональности у субъекта социальных отношений характеризуется непрерывной практикой поддержания социального по-

рядка в условиях нестабильной внешней среды. В этом состоянии индивид в полной мере кристаллизует культурный опыт в социальном пространстве, отделяет онтологические процессы в частном, структурирует индивидуальные цели по их соответствию фундаментальным социальным и бытийным процессам. На этом этапе даже в сфере частной, повседневной жизни все социальные действия индивида, его ценности, интенции, результаты деятельности приобретают общезначимый характер, воспроизводят существенные свойства общества. Результатом перехода на шестую ступень является взаимопроникновение социальных и личностных как целей, так и инструментов их достижения. Индивидуальность преодолевается родовым трансцендентальным сознанием, организующим жизнь человечества, но воспроизводимым субъектами онтологической реконструкции.

Список литературы

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 809 с.
2. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. – М.: Академический проект, 2003. 528 с.
3. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
4. Хабермас Ю. Теория рационализации Макса Вебера / пер. нем. Т. Тягунова // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, №3. С.37-60.

RATIONALITY OF A PERSON AND ITS MARGINS IN SOCIAL LIFE

A.Yu. Ogorodnikov*, V. V. Churin**

*Moscow State University of Law, Moscow

**Moscow Automobile And Road Construction State Technical University (MADI), Moscow

The article reveals the mechanism of rationality formation of a subject of social relations. The authors differentiate between the autonomous individual rationality and the objective universal rationality that organizes social being. They come to the conclusion that a direct transition from the individual level of rationality to the social one produces a lot of social contradictions and conflicts and thus looks impossible. Limitations of individual rationality are overcome in the process of personality development. The article highlights the six stages of removing the contradictions between the general and the individual in social practices going through which a person with her particular values, intentions, results of operations purposefully absorbs the universally meaningful processes thus reproducing the essential properties of a society. The result of this passage through the six stages is the interpenetration of the social and personal as the goals and the instruments of needed to achieve them.

Keywords: *rationality, limits of rationality, subject, social being, social order.*

Об авторах:

ОГОРОДНИКОВ Александр Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философских и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», эксперт Центра стратегических исследований, г. Москва. E-mail: oau2005@yandex.ru.

ЧУРИН Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и управления ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)», г. Москва. E-mail: churinvv@yandex.ru

Authors information:

OGORODNYKOV Alexandr Yurievich – Ph.D., Assoc. Prof., Dept. of Philosophy and Socio-economic disciplines of O.E. Kutafin Moscow State University of Law, expert of the Strategic Studies Center, Moscow. E-mail: oau2005@yandex.ru.

CHURIN Vladimir Vladimirovich – Ph.D., Assoc. Prof., Dept. of Sociology and Management of Moscow Automobile And Road Construction State Technical University (MADI), Moscow. E-mail: churinvv@yandex.ru